

БАРАНОВ Андрей Владимирович

доктор исторических наук, доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии и политического
управления Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация

Andrey V. BARANOV

Dr. Sci. (National History), Dr. Sci. (Political Institutions, Ethnopolitical
Conflictology, National and Political Processes and Technologies), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
baranovandrew@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7109-3062

УДК 811.161.2-045.37:304(47-13)"1923/1932"
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002

**Украинизация в Северо-
Кавказском крае РСФСР
(1923–1932): замыслы, реакция
общества, результаты¹**

**Ukrainization in North Caucasus Krai
of the RSFSR (1923–1932):
Plans, Public Reaction, Results²**

Автор статьи определяет причины и цели украинизации в Северо-Кавказском крае РСФСР и анализирует реакцию населения на реформы и результаты такого политического курса. Исследование выполнено в рамках конструктивистской парадигмы, основано на документах Центров документации новейшей истории Ростовской области и Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области, материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. Украинизация была составной частью этнополитики «позитивной дискриминации» («коренизации»), принятой РКП(б) в 1923 г. Она включала в себя задачи распространения в Северо-Кавказском крае, Центрально-Черноземной области РСФСР и других макрорегионах украинского литературного языка, формирования украинской идентичности, обеспечения представительства украинцев в партийных и государственных органах власти, общественных организациях. Реформы встретили сопротивление местных чиновников и населения, были оправданно прекращены в условиях коллективизации и военной угрозы.

Ключевые слова: украинизация, украинский язык, национальный вопрос, национальная политика, Северо-Кавказский край РСФСР, замыслы, реакция общества, результаты.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

² The research was performed within the framework of the Russian Foundation for Basic Research Project No. 21-09-43110 "The Relationship Between the Party-State Power and the Multiethnic Society in the Course of the Implementation of National Policy (Based on Materials From the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)".

Тема нашей статьи обладает неизменной и растущей актуальностью. Этнополитика «позитивной дискриминации» («коренизации»), проводившаяся РКП(б) в 1923–1932 гг., предусматривала, в том числе, повышение статуса и формирование идентичности этнических меньшинств, «перекодирование» полиэтничных сообществ. Одним из вариантов такой стратегии, наряду с «белорусизацией», «татаризацией» и т.д., была «украинизация» в Северо-Кавказском и Нижне-Волжском краях, Центрально-Черноземной области. В современных условиях превратно толкуемые исторические факты используются органами власти Украины для распространения мифа об «украинстве» ряда регионов России. Вопросы языковой, исторической, музейной, символической политики в регионах русско-украинских социокультурных контактов актуальны для укрепления единства российской нации.

Цель работы — определить замыслы украинизации в Северо-Кавказском крае РСФСР и выявить реакцию полиэтничного общества макрорегиона на реформы и результаты такого курса.

Территориальные рамки статьи охватывают Северо-Кавказский край, включавший в себя в период с лета 1924 по начало 1934 гг. территорию дореволюционных Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, — пространство русско-украинского социокультурного синтеза. Поскольку автохтонные этнические группы Северного Кавказа составляли небольшую долю населения края, мы используем понятия «Северо-Кавказский край» и «Юг России» как синонимы.

Статья выполнена в рамках конструктивистской парадигмы этноисторических исследований, обоснованной Ф. Бартом [45], Э. Хобсбаумом [47], Р. Брубейкером [46] и др. Конструктивизм дает возможность переосмыслить проявления этничности в исторических феноменах в качестве целенаправленно формируемого властными элитами коллективного самосознания, структурирования сложного по строению общества на базе однозначных, категоричных представлений о «национальностях». Конструктивизм позволяет

определить, на основе каких совместных форм деятельности и маркеров идентичности люди вырабатывают представления о своей этничности, соотносят себя с этническими группами. Особенно полезен конструктивизм для осмысления этнических процессов в контактных ареалах, полиэтничных региональных сообществах, к которым относился в 1920-х — начале 1930-х гг. Северо-Кавказский край.

Источниковую основу статьи составили документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края [36] [37] [38] [39], Государственном архиве Ростовской области [16], а также материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. [13] [14]. Представляют интерес резолюции руководящих партийных органов РКП(б) — ВКП(б) [40], перспективные планы украинизации, протоколы заседаний украинских коммунистических секций при партийных комитетах окружного и краевого уровней, стенограмма конференции по вопросам советского строительства среди национальных меньшинств края, материалы обследований хода украинизации на местах и отчеты партийных и советских служащих о проверке местной работы, доклады органов ОГПУ. Информативные документы содержат опубликованные сборники материалов. Обозначенная совокупность источников дает возможность достаточно полно реконструировать цели и ход выполнения украинизации на региональном и местном уровнях.

Степень научной разработанности темы следующая. Основные специальные работы об украинизации в Северо-Кавказском крае начали создаваться с середины 1990-х гг., когда были сняты идеологические ограничения. Первые исследователи темы (М. В. Мирук [27], О. В. Бершадская [8], В. А. Матвеев [26], А. В. Баранов [7]) издали краткие обобщающие статьи. Системное изучение украинизации в СССР провела Е. Ю. Борисенок, но в ее монографии реформы в Северо-Кавказском крае упоминаются бегло [11]. Значительное внимание демографическим процессам среди украинцев на Кубани уделили В. Н. Ракачев и Я. В. Ракачева [29], Ф. Д. Климчук [23]. Украинизация школьного образования исследована в диссертации О. В. Алдакимовой [5]. Видный ли-

тературовед В. К. Чумаченко осветил историю создания и деятельности Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института [41]. Для историографии до 2014 г. характерны исследования темы преимущественно на материалах Кубано-Черноморья. Исключением стали концептуально емкие статьи Т. П. Хлыниной [35], а также А. П. Скорика и В. А. Бондарева [31]. Качественное расширение источниковой базы исследований обеспечил И. Г. Иванцов, изучивший документы комиссий партийного контроля РКП(б)–ВКП(б) [22]. С. Я. Суций установил тенденции демографических изменений украинского общества на Юге России, но его работа строится только на статистических данных, без учета кардинальной ломки этнической идентичности в 1917–1932 гг. [33]. В. З. Акопян сосредоточил внимание на малоизученных аспектах: сравнении причин украинизации Юга России и УССР [3], создании украинской национальной секции при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) [2], украинизации как проекте, направленном против казачьей сословности [4].

Новый этап развития историографии проблемы начался в 2014 г. Приход к власти на Украине радикальных антироссийских элит привел к политизации темы, вызвал повышенный интерес к исследованиям и рост в них полемической компоненты. Характерны в этом контексте работы Е. Ю. Борисенко о формировании концепта «украинизация» [10] и попытках сконструировать в 1920-х гг. «кубанский язык» [9]. К. С. Дроздов выяснил влияние украинизации в РСФСР на изменение самосознания украинцев [18]. Т. П. Хлынина, А. В. Баранов и И. Ю. Васильев провели системный анализ украинизации на Кубани [34] [6] [12]. Внимание привлекает сравнительный анализ украинизации в различных регионах (статьи К. С. Дроздова [19] и А. В. Аверьянова [1]). Повысился интерес к вопросам языковой политики, классификации говоров и диалектов (К. С. Дроздов [21]).

Зарубежные историки также уделяют внимание украинизации регионов РСФСР 1920-х — начала 1930-х гг. Значительное место этот процесс занимает в концепции «империи положительного действия» Т. Мартина [25], который отмечает важное значение укра-

инизации для внешней и федеративной политики СССР, ее противоречивые последствия. Словацкий историк И. Залевский дает оценку исследуемому явлению в ракурсе языковых процессов и утраты кубанским казачеством качеств субэтнуса [48]. В украинской историографии можно выделить работы Д. Д. Белого [42], С. В. Кульчицкого [24], В. С. Майстренко и О. В. Корнева [43], Н. Горишны [15], Ю. С. Готковой [17]. Для них характерны искажения фактов на основе доктрины «советского империализма», рассуждения о принудительной русификации Северо-Кавказского края и Центрального Черноземья. Эти черты исследований усилились с 2014 г. под давлением государственной политики и публицистики.

Итак, на данном этапе уже сложились научные традиции исследования украинизации 1923–1932 гг. в РСФСР, развиваются такие направления, как анализ целей партийно-государственного курса, украинизации аппарата власти, образовательной и языковой политики, сопоставление сходных процессов в округах Северо-Кавказского края. Но тема становится все более политизированной, ряд выводов (о наличии целостной и прочной украинской идентичности части населения Юга России, о негативном и насильственном характере прекращения реформ), на наш взгляд, не обоснован и требует проверки.

Новизна нашей статьи — во введении в научный оборот документов национальных секций при окружных и краевом комитетах РКП(б), материалов конференции, прошедшей 21 декабря 1928 г. и посвященной вопросам советского строительства среди национальных меньшинств Северо-Кавказского края.

Следует учесть, что украинизация как целенаправленная политика проводилась не большевистскими правительствами на Украине, а также Кубанской краевой Радой в 1918 — начале 1920 гг. [30]. Поэтому большевистской партии следовало противопоставить «петлюровской», буржуазно-националистической программе нацистроительства свою стратегию преодоления имперского, «шовинистического» наследия — строительство социалистической Украины на основе признания украинцев отдельной от русских нацией со своей идентичностью, историей, языком. Это оз-

начало, как признает Т. Мартин, неизбежную дискриминацию русских, категоричное разделение великороссов и украинцев [25, с. 42]. УССР должна была стать плацдармом мировой революции на границах Польши, ее следовало сделать индустриализированной и создать политически лояльный аппарат управления, что требовало уступок в пользу украинской интеллигенции. Украинизация регионов РСФСР с полиэтничным населением соответствовала логике «империи навыворот», повышавшей статус этнических меньшинств ради их лояльности властям и проводившей «положительную дискриминацию» русских. Данная стратегия обоснована в резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» (апрель 1923 г.) [28], усмотревшей главную угрозу в «великодержавном шовинизме».

К. С. Дроздов обратил внимание на важный документ, подготовивший введение украинизации, — докладную записку украинского центрального бюро (УЦБ) Совета по просвещению нацменьшинств Наркомпроса РСФСР «О необходимости организации и усиления партработы среди украинского населения России» в Агитационно-пропагандистский отдел (АПО) ЦК РКП(б) от 5 февраля 1923 г. [20]. Автор записки — заведующий УЦБ В. А. Гадзинский предлагал создать при областных партийных комитетах украинские секции, руководящие партийной и просветительской работой; качественно увеличить число партийных газет и брошюр для украинского населения РСФСР; направлять на работу в местности проживания украинцев партийных, советских и хозяйственных работников со знанием украинского языка. Его инициативы нашли поддержку ЦК (См.: [20]). Для правящей партии было важно обеспечить идеологический контроль над стихийно начавшейся усилиями местной интеллигенции украинизацией. Осенью 1924 г. принимается курс «Лицом к деревне», и поскольку украинцы на Юге России на 88,6% были сельскими жителями [14], поощрение их интересов помогало укрепить союз рабочего класса с трудовым крестьянством.

Несмотря на наличие директив ЦК РКП(б), датируемых весной 1923 г., в тезисах «Итоги работы по украинскому просвети-

тельному делу в Кубанском округе» (1927 г.) отмечено, что работа началась только осенью 1923 г., а особенно активизировалась летом 1924 г. — со времени районирования (создания Северо-Кавказского края и входивших в его состав округов) [36, л. 13]. Украинские секции при подотделах национальных меньшинств АПО окружных и районных комитетов РКП(б) начали создаваться в январе 1925 г., а секция при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) была организована лишь 6 апреля 1925 г. [38, л. 1]. Ее председателем стал Чапала, заместителем председателя — Коморник; избран состав бюро краевой секции — 4 чел. и определена периодичность заседаний — 2 раза в месяц. В г. Краснодаре 4 апреля 1925 г. проведено I краевое совещание секретарей украинских секций окружкомов РКП(б). Руководил его работой заведующий подотделом национальных меньшинств АПО Северо-Кавказского крайкома РКП(б) Блехер [38, л. 5–6, 85].

План работы Украинской секции при крайкоме РКП(б) на апрель-август 1925 г. предусматривал организационные и агитационно-пропагандистские меры, в том числе: ввести в штат райкомов партии штатных инструкторов-украинцев либо русских, знающих украинский язык; выделить места для представительства украинцев в станичных Советах; наладить регулярное взаимодействие краевой секции с окружными и районными; освободить секретарей украинских секций от других партийных обязанностей; провести статистический учет всего украинского населения, а также партийных и советских работников-украинцев; организовать при хатах-читальнях кружки украиноведения; образовать украинские секции при окружных и городских клубах национальных меньшинств; создать украинские отделения и уголки при библиотеках; обеспечить снабжение библиотек и хат-читален коммунистической литературой через Ростовское отделение Укргосиздата; наладить сеть пунктов ликвидации неграмотности на украинском языке. Подчеркивалось, что изучение истории Украины должно вестись «в духе революционной борьбы», противопоставляться петлюровскому национал-шовинистическому движению [38, л. 25–42]. Сохранилась программа занятий

членов Армавирской секции окружного комитета РКП(б) по украиноведению за 1925 г. Она достаточно грамотно составлена и включает следующие темы: 1) история революционного движения на Украине, современное политическое и экономическое положение УССР; 2) история населения, административное деление, экономика Кубани (включая Армавирский округ); 3) нормы Конституции СССР по национальному вопросу. Предполагалось заслушивать доклады подотдела национальных меньшинств крайОНО, совета профсоюзов, клуба «Нацмен», направлять представителей украинских партсекций в станицы для лекций и бесед [38, л. 2–3]. Летом 1925 г. открыты Украинские отделения в советско-партийной школе г. Краснодара и Краснодарском педагогическом техникуме.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в декабре 1928 г. принял план украинизации партийного и советского аппарата управления в 37 сельских районах, требовавший обеспечить переподготовку местных советских работников и милиционеров, перевод делопроизводства на украинский язык [18, с. 89] [44]. Был создан Полтавский украинский национальный район и ряд станичных Советов. Успешно развивалась и реформа образования. Согласно справке Северо-Кавказского крайОНО для Наркомпроса РСФСР, к лету 1932 г. в крае на украинский язык перешли 1609 школ 1-й ступени, в которых учились 221 453 человека, а преподавали — 558, и 259 школ 2-й ступени, насчитывающих 42 148 школьников и 1 552 учителей (См.: [5, с. 161]).

Многие местные партийные и советские руководители недопонимали смысл украинизации и не проявляли усилий по ее развитию. Так, АПО Майкопского окружного РКП(б) в справке Майкопскому окружному отделу ОГПУ (1925 г.) не указывал украинцев в числе национальных меньшинств [39, л. 1–2], а Черноморское окружное земельное управление рассчитало в 1928 г. сведения о землепользовании русских и украинцев в качестве единой учетной категории [37, л. 1–2]. Посещаемость заседаний украинских партсекций была низкой. Секретарь Армавирской окружной секции А. А. Лысогор докладывал на краевом совещании 3 апреля 1925 г., что иногда партра-

ботники смотрят на украинскую культуру как «отмирающее явление», заявляют, что «наши украинцы уже обрусели... Еще есть украинское население, которое в своей массе считает свой язык некультурным, свидетельствующим о невежестве» [38, л. 77]. Заведующий Украинским педагогическим техникумом Миненко жаловался на недружелюбие, препятствия работе на украинском языке со стороны властей Кубанского округа [38, л. 89 об]. На заседании бюро Армавирской окружной секции 9 октября 1925 г. Пинчук заявил: «Некоторые члены партии смотрят на национальную работу с шовинистической точки зрения и иногда враждебно относятся к украинизации, говоря, что она не нужна, несмотря на то, что некоторые (так считающие.— А. Б.) по национальности украинцы» [38, л. 29–29 об]. Краевая украинская секция потребовала от местных секций уделить особое внимание притеснениям украинцев государственным аппаратом и национальному антагонизму, «если таковой возникнет» [38, л. 71].

Состояние статистики этнического состава населения подтверждает эти противоречия. Так, на краевом совещании 4 апреля 1925 г. Блехер назвал численность украинцев в Северо-Кавказском крае — до 1,5 млн. чел. (18% всего населения) [38, л. 89]. Но Всесоюзная перепись населения (декабрь 1926 г.) дала число украинцев края 3 млн. 106,9 тыс. чел. (37,1%) [14]. Такие различия объяснимы тем, что критерии определения «национальности» резко изменились. Сначала Центральное статистическое управление СССР брало за основу самооценку граждан, а при переписи — национальную принадлежность родителей индивида. Двойные, переходные варианты при переписи не учитывались. То есть, конструктивистская оценка этничности была заменена на примордиальную. Не получила официального одобрения и идея наркома просвещения СССР А. В. Луначарского о поддержке «кубанского языка» (наречия), предпочтительного для местного населения в сравнении с украинским литературным языком [9, с. 37–52] [28]. Его мнение разделяли председатели Кубанской и Армавирской окружных украинских партсекций: «надо приспособиться к кубанскому говору, к понятной речи», а галичанские

книги могут только повредить [36, л. 13–16] [38, л. 77–78].

По итогам переписи 1926 г. украинцы составили 71,5% населения Таганрогского округа, 55,1% — Донецкого, 44,0% — Донского, 43,9% — Сальского и 13,1% — Шахтинско-Донецкого округа (в среднем по донским округам — 42,1%); 61,5% жителей Кубанского, 35,7% — Черноморского, 32,9% — Армавирского и 28,6% — Майкопского округа (в среднем по кубанским округам — 46,7%); 33,8% населения Ставропольского и 30,2% — Терского округа, 8,0% — г. Грозного и 5,1% — г. Владикавказа (в среднем по русским местностям Террека — 29,2%) [13]. Итак, наибольший удельный вес украинцев наблюдался в местностях, пространственно близких к УССР и наиболее аграрных.

Для значительной части населения (32% жителей Северо-Кавказского края) их самооценка в качестве казаков была важнее, чем этническая. Казачья идентичность имела более прочные основания, чем украинская. На Дону и Тереке, в ареале линейного казачества Кубани украинство воспринималось как признак «иногородних», и только в Кубанском и Черноморском округах оно не противоречило казачьему самосознанию.

Население края реагировало на украинизацию противоречиво. В мае 1925 г. председатель украинской секции Армавирского окружкома РКП(б) выявил «антагонизм между украинским и русским учительством» на основании анализа мнений, высказанных на родительских собраниях в с. Отрадо-Ольгинском [38, л. 15]. Казаки и крестьяне рассуждали так: если учить ребенка на украинском языке, он не поступит в среднюю школу, «не сможет быть в русском обществе, он смешон»; сомнения учителей: «надо ли украинский язык применять для нашего полуобрусевшего украинца?» [38, л. 77]. В 1927 г. Кубанский окружной отдел народного образования провел анкетный опрос украинцев в 5 станицах и 1 хуторе (786 чел.). Мнения разделилось поровну: 351 чел. высказался за образование на украинском языке, 350 — на русском, 44 — за изучение обоих языков, 41 чел. не определился. В большей мере поддержали украинское образование казаки, зажиточные слои опрошенных, жите-

ли отдаленных от г. Краснодара станиц [36, л. 34–34 об].

Местные партийные органы более осторожно подходили к украинизации, чем краевые. Председатель Кубанской окружной украинской партсекции А. А. Лысогор составил в 1927 г. тезисы к совещанию секретарей секций. Он отмечал перегибы как в сторону русского, так и украинского шовинизма; считал, что категорически не стоит вопрос о принуждении русских партработников отказаться от русского языка и культуры, а нужно знание обоих языков; призывал не навязывать украинский язык и не выбирать язык школьного образования голосованием [36, л. 15, 19–22].

Характерна дискуссия, возникшая 21 декабря 1928 г. на краевой конференции о советском строительстве среди национальных меньшинств Северо-Кавказского края. Видные филологи В. Ф. Чистяков и А. В. Миртов подчеркнули диалектное многообразие украинских говоров на Кубани, наличие их переходных вариантов, при этом они отдали предпочтение русскому языку как признаку наиболее сильной культуры. Отмечено, что в регионе естественное тяготение молодежи к русскому языку и сложившееся двуязычие [36, л. 22–26, 44]. В свою очередь, партийный функционер Пилипенко заклеил термин «общерусский язык» как буржуазный, внушающий «триединую русскую нацию» и русский империализм. Русский язык не выше украинского по развитию. Нет «кубанского языка», а есть разные диалекты украинского языка. Пилипенко задается вопросом: для чего вести украинизацию? По его мнению, получатся украинские районы, затем — область, «а еще дальше присоединение Кубанской области к Украине... Но даже если бы такая аннексия случилась, то в современных условиях никакого несчастья не произошло бы» [36, л. 183, 56–60, 62].

В условиях коллективизации и роста угрозы войны украинизация оценивалась центральными органами власти все более сдержанно. Доклад Секретного отдела ОГПУ «Антисоветское движение в деревне» за подписью начальника отдела Т. Д. Дерибаса и начальника 3-го отдела СО ОГПУ Р. И. Аустрина (октябрь 1928 г.) содержал тревожную информацию: на Кубани есть «тяготение антисовет-

ских элементов на установление связи с антисоветскими элементами Украины, и шовинистические лозунги последней прививаются также и кубанскому антисоветскому движению» [32, с. 817].

Сделаем выводы. Украинизация в 1923–1932 гг. была составной частью этнополитики «позитивной дискриминации» («коренизации»), принятой РКП(б) в 1923 г. Украинизация ставила целью нациестроительство, повышение этнического и политического статуса «украинцев» Юга России, которые представляли собой в 1920-х гг. ряд сообществ с переходной, русско-украинской идентичностью (самоназвания: «хохлы», «перевертни», «кубанцы» и др.). Украинизация включала в себя следующие задачи: распространение в Северо-Кавказском крае, Центрально-Черноземной области РСФСР и других макрорегионах украинского литературного языка и его применение в государственном делопроизводстве; формирование украинской идентичности;

обеспечение представительства украинцев в партийных и государственных органах власти, общественных организациях. В Северо-Кавказском крае украинизация реально началась в конце 1924 г. и была распространена постепенно по всем округам с преобладанием славянского населения. Жители этих территорий, не возражая против общекультурной работы (ликвидация неграмотности, среднее образование, библиотеки, театр), противились навязыванию украинского языка как единственного официального, обязательного для делопроизводства и работы на партийных и государственных должностях. Недовольство вызвало внедрение украинского литературного языка («галичанского наречия»), так как население говорило на местных диалектах («кубанском языке», «балачке»). Реформы встретили сопротивление на разных социальных уровнях и были оправданно прекращены в декабре 1932 г. в условиях коллективизации и военной угрозы.

Andrey V. BARANOV

Dr. Sci. (National History), Dr. Sci. (Political Institutions, Ethnopolitical Conflictology, National and Political Processes and Technologies), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
baranovandrew@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7109-3062

***Ukrainization in North Caucasus Krai of the RSFSR
(1923–1932): Plans, Public Reaction, Results***

Abstract. The author of the article aims to determine the plans of Ukrainization in relation to North Caucasus Krai of the RSFSR, the reaction of the regional community to the reforms, and the results of the course of Ukrainization. The work is prepared within the framework of the constructivist paradigm of ethno-historical research. The main directions of the problem analysis in historiography are determined: analysis of the goals of the party-state course, Ukrainization of the government apparatus, educational and language policy, comparative analysis of processes in the districts of North Caucasus Krai. The article is based on the documents of the Centers for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast and Krasnodar Krai, the State Archive of Rostov Oblast, the materials of the All-Union population censuses of 1926 and 1939. The circumstances of the beginning of Ukrainization on the scale of the USSR are described; the interrelation of the reforms with the policy course “Face to the Village” is noted. The institutions, regulatory legal acts and resources for the implementation of modernization in North Caucasus Krai are considered. The reasons for the slow implementation of Ukrainization in the region are analyzed. The measures of Ukrainization adopted by the North Caucasus Regional Committee of the Russian/All-Union Communist Party of Bolsheviks and the district committees of the ruling party are described. The author has determined that the population, without objecting to the

cultural policy in the Ukrainian language (the elimination of illiteracy, secondary education, libraries, theater), resisted the imposition of Ukrainian as an official language, mandatory for office work and employment in party and state agencies. Dissatisfaction was expressed with the introduction of the Ukrainian literary language (“Galician dialect”), residents preferred local dialects (“Kuban language”, “Balachka”). The author has established that Ukrainization was an integral part of the ethnopolitics of “positive discrimination” (“korenizatsiya” [indigenization]) adopted by the Russian Communist Party of Bolsheviks in 1923 and was carried out until the end of 1932. Ukrainization included the tasks of spreading the Ukrainian literary language in North Caucasus Krai, the Central Black Earth Region of the RSFSR and other macro-regions; forming the Ukrainian identity; ensuring the representation of Ukrainians in party and state agencies, and in public organizations. The author has found that the reforms met the resistance of the local officials and the population, and were justifiably stopped due to collectivization, the military threat, and the imperatives of the integration of the state.

Keywords: Ukrainization, Ukrainian language, national question, national policy, North Caucasus Krai, RSFSR, plans, public reaction, results.

Использованная литература:

1. Аверьянов А. В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2020. № 2 (206). С. 13–21.
2. Акопян В. З. К истории создания национальных украинских секций при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП(б) // Клио. 2013. № 6 (78). С. 68–73.
3. Акопян В. З. Общее и особенное в причинах украинизации на Юге России и Украине // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 167–173.
4. Акопян В. З. Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20–30-е годы XX века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 271–275.
5. Алдакимова О. В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004.
6. Баранов А. В., Васильев И. Ю. Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. СПб., 2015. № 6. С. 61–67.
7. Баранов А. В. География расселения казачества на Юге России в 1920-х гг. // Ученые записки Донского юридического института. Ростов н/Д, 2001. Т. 16. С. 123–134.
8. Бершадская О. В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2000. С. 121–124.
9. Борисенко Е. Ю. А. В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 37–52.
10. Борисенко Е. Ю. Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая чет-

References:

1. Aver'yanov, A.V. (2020) Policy of Ukrainization in the South of Russia in the 1920s – Early 1930s: Some Comparative Aspects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki – Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2 (206). pp. 13–21. (In Russian).
2. Akopyan, V.Z. (2013) K istorii sozdaniya natsional'nykh ukrainskikh sektsiy pri Severo-Kavkazskom kraevom komitete VKP(b) [On the History of the Creation of National Ukrainian Sections Under the North Caucasus Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *Klio*. 6 (78). pp. 68–73.
3. Akopyan, V.Z. (2013) [The General and the Special in the Reasons for Ukrainization in the South of Russia and Ukraine]. *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Ukrainians of the South of Russia: Problems of History, Culture, Socioeconomic Development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 3–4 October 2013. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 167–173. (In Russian).
4. Akopyan, V.Z. (2013) Ukrainization as a Way to Overcome the Cossack Class Distinctions in the Kuban' Region in the 20–30s of the 20th Century. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1. pp. 271–275. (In Russian).
5. Aldakimova, O.V. (2004) *Ukrainizatsiya shkol'nogo obrazovaniya na Kubani v period s 1921 po 1932 gg.* [Ukrainianization of School Education in Kuban in the Period From 1921 till 1932]. Pedagogy Cand. Diss.
6. Baranov, A.V. & Vasil'ev, I.Yu. (2015) Prichiny provala ukrainizatsii na Kubani v gody Grazhdanskoy voyny i nepa [Reasons for the Failure of Ukrainization in Kuban During the Civil War and the NEP]. *Klio*. 6. pp. 61–67.
7. Baranov, A.V. (2001) Geografiya rasseleniya kazachestva na Yuge Rossii v 1920-kh gg. [Geography of Settlement of the Cossacks in the South of Russia in the 1920s]. *Uchenye zapiski Donskogo yuridicheskogo instituta*. 16. pp. 123–134.
8. Bershadskaya, O.V. (2000) Osushchestvlenie politiki ukrainizatsii na Kubani v period 1925–1932 gg. [Implemen-

- верть XX в.) // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 228–248.
11. Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006.
  12. Васильев И. Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014.
  13. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. Армавирский округ [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=817 (дата обращения: 31.08.2021).
  14. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край [Электронный ресурс]. Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 31.08.2021).
  15. Горишна Н. Большевистский эксперимент общественной модернизации – политика «украинизации» сельского и городского социума // Схід. Маріуполь, 2014. № 3 (129). С. 16–21.
  16. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 619а. Л. 6–69, 183.
  17. Готкова Ю. С. Украинизация государственно-административного аппарата в Северо-Кавказском крае (1923–1932 гг.) // Гилея: научный вестник. Киев, 2015. № 97. С. 45–50.
  18. Дроздов К. С. Политика украинизации в РСФСР в 1922–1932 гг. и развитие национального самосознания украинцев России // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международ. науч. конф. (г. Киев, 10–12 октября 2013 г.). М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. С. 86–95.
  19. Дроздов К. С. Советская украинизация 1920–1930-х гг. на Кубани и в Центральном Черноземье: общее и особенное // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 202–208.
  20. Дроздов К. С. Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (К вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // История: электрон. науч.-образоват. журнал. 2012. Т. 3. Вып. 7 (15) [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (дата обращения: 31.08.2021).
  21. Дроздов К. С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 294–314.
  22. Иванцов И. Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар: [б. и.], 2009.
  23. Климчук Ф. Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурной политики // Украинизация в Северо-Кавказском крае (1923–1932 гг.). In: Chumachenko, V.K. (ed.) *Vtorye Kubanskie literaturno-istoricheskie chteniya* [Second Kuban Literary and Historical Readings]. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts. pp. 121–124.
  9. Borisenok, E.Yu. (2020a) Aantoly V. Lunacharsky and “Kuban Language”: Intrigues of Soviet Ukrainisation of the 1920s. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium*, 15 (3–4). pp. 37–52. (In Russian). DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03
  10. Borisenok, E.Yu. (2020b) Ukrainization: the emergence and dissemination of the concept (first quarter of the twentieth century). *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 1–2. pp. 228–248. (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.13
  11. Borisenok, E.Yu. (2006) *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920s–1930s]. Moscow: Evropa.
  12. Vasil'ev, I.Yu. (2014) *Ukrainskiy natsionalizm, ukrainizatsiya i ukrainskoe kul'turnoe dvizhenie na Kubani (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka)* [Ukrainian Nationalism, Ukrainization and the Ukrainian Cultural Movement in the Kuban (Second Half of the 19th – Early 21st Centuries)]. Moscow: IP Burina A.V. (“Traditsiya”).
  13. Demoscope.ru. (2021a) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray. Armavirskiy okrug* [All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population by Regions of the RSFSR. North Caucasus Krai. Armavir Okrug]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=817 (Accessed: 31.08.2021).
  14. Demoscope.ru. (2021b) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskiy kray* [All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population by Regions of the RSFSR. North Caucasus Krai]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (Accessed: 31.08.2021).
  15. Gorishna, N. (2014) *Bol'shevistskiy eksperiment obshchestvennoy modernizatsii — politika “ukrainizatsii” sel'skogo i gorodskogo sotsiума* [Bolshevik Experiment of Social Modernization: The Policy of “Ukrainization” of Rural and Urban Society]. *Skhid*. 3 (129). pp. 16–21.
  16. State Archive of Rostov Oblast. Fund R-1485. List 1. Item 619a. Pages 6–69, 183.
  17. Gotkova, Yu.S. (2015) *Ukrainizatsiya gosudarstvenno-administrativnogo apparata v Severo-Kavkazskom krae (1923—1932 gg.)* [Ukrainization of the State and Administrative Apparatus in North Caucasus Krai (1923–1932)]. *Gileya*. 97. pp. 45–50.
  18. Drozdov, K.S. (2014) [Ukrainianization Policy in the RSFSR in 1922–1932 and the Development of National Self-Awareness of Ukrainians in Russia]. *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody* [Soviet Nations and National Politics in the 1920s–1950s]. Proceedings of the International Conference. Kyiv. 10–12 October 2013. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina”. pp. 86–95. (In Russian).
  19. Drozdov, K.S. (2013) [Soviet Ukrainization of the 1920s–1930s in Kuban and in the Central Black Earth Region: The General and the Special]. *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy*

турного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2008. Вып. 3. С. 257–285.

24. Кульчицкий С. В. Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 108–110.

25. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

26. Матвеев В. А. От Карпат до Кавказских гор? // Родина. 2001. № 8. С. 20–23.

27. Мирук М. В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы международ. науч.-практ. конф. (ст. Полтавская, 23–27 сентября 1996 г.). Краснодар: Администрация Краснодарского края и др., 1996. С. 172–175.

28. По национальному вопросу: резолюция XII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 79–88.

29. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. Т. 1: 1900–1920-е гг. Краснодар: Кубанский государственный университет; Просвещение-Юг, 2005.

30. Сивков С. М. К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 гг. // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 246–250.

31. Скорик А. П., Бондарев В. А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – начало 1930-х гг.) // История в подробностях. 2013. № 10 (40). С. 62–71.

32. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000.

33. Суций С. Я. Украинцы Юга России: Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.

34. Хлынина Т. П., Васильев И. Ю. Украинизация на Кубани: замыслы, воплощение, итоги // Белоруссия и Украина: история и культура: сб. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. Вып. 5. С. 373–384.

35. Хлынина Т. П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев: ЭДВИ, 2006. Вып. 1. С. 39–49.

36. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410.

37. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 9. Оп. 1. Д. 878.

38. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56.

39. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 130.

40. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост.: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005.

41. Чумаченко В. К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в

istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Ukrainians of the South of Russia: Problems of History, Culture, Socioeconomic Development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 3–4 October 2013. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 202–208. (In Russian).

20. Drozdov, K.S. (2012) *Ukrainizatsiya v RSFSR i kontseptsiya imperii "polozhitel'noy deyatel'nosti"* Terri Martina (K voprosu osushchestvleniya sovetskoj natsional'noy politiki na russko-ukrainskom pogranich'e v 1923–1933 gg.) [Ukrainization in the RSFSR and Terry Martin's Affirmative Action Empire (On the Issue of the Implementation of Soviet National Policy in the Russian-Ukrainian Borderlands in 1923–1933)]. *Istoriya*. 3:7 (15). [Online] Available from: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (Accessed: 31.08.2021).

21. Drozdov, K.S. (2017) The Peculiarities of Teaching Ukrainian Language in Soviet Russia During Ukrainization in 1920–1930s. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 3–4. pp. 294–314. (In Russian).

22. Ivantsov, I.G. (2009) *Ukrainizatsiya Kubani v dokumentakh komissiy vnutripartiynogo kontrolya VKP(b). 1920-e – nachalo 1930-kh gg.* [Ukrainization of Kuban in the Documents of the Internal Party Control Commissions of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. 1920s – Early 1930s]. Krasnodar: [s.n.], 2009.

23. Klimchuk, F.D. (2008) *Rasselenie etnicheskikh ukraintsev na yuge i yugo-zapade Rossii (po materialam perepisi 1926 g.)* [Resettlement of Ethnic Ukrainians in the South and Southwest of Russia (Based on the 1926 Census)]. In: *Kuban' – Ukraina. Voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya* [Kuban – Ukraine. Issues of Historical and Cultural Interaction]. Vol. 3. Krasnodar: Kartika. pp. 257–285.

24. Kul'chitskiy, S.V. (1999) *Kurs – ukrainizatsiya* [The Course is Ukrainization]. *Rodina*. 8. pp. 108–110.

25. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina".

26. Matveev, V.A. (2001) *Ot Karpat do Kavkazskikh gor?* [From the Carpathians to the Caucasus Mountains?]. *Rodina*. 8. pp. 20–23.

27. Miruk, M.V. (1996) [Kuban Cossacks and the Ukrainization of Kuban: Experience and Lessons (1921–1932)]. *Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti* [Kuban Cossacks: Three Centuries of the Historical Path]. Proceedings of the International Conference. Stanitsa Poltavskaya. 23–27 September 1996. Krasnodar: Administration of Krasnodar Krai et al. pp. 172–175. (In Russian).

28. Politizdat. (1984) *Po natsional'nomu voprosu: rezolyutsiya XII s'ezda RKP(b)* [On the National Question: The Resolution of the XII Congress of the RCP(b)]. In: *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. 9th ed. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 79–88.

29. Rakachev, V.N. & Rakacheva, Ya.V. (2005) *Narodonaselenie Kubani v XX veke: istoriko-demograficheskoe issledovanie: v 4 t.* [Population of Kuban in the 20th Century: Historical and Demographic Research: In 4 Volumes]. Vol. 1. Krasnodar: Kuban State University; Prosveshchenie-Yug.

Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2007. С. 87–89.

42. Білий Д. Д. Малиновий клин (Нариси з історії українського населення Кубані). Київ: Україна, 1994.

43. Майстренко В. С., Корнев О. В. Антиукраїнський терор після декларованої «українізації»: чому? [Електронний ресурс]. URL: http://www.pravoslavyya.sumy.ua/readarticle.php?article_id=54 (дата обращения: 31.08.2021).

44. Українська мова і література: Програми та методичні поради для курсів перепідготовки радпарату / Кубанський округ. Комісія по українізації; уложив І. Пелипейко. Краснодар: Типо-лит. «Севкавполиграфтреста» ім. А. А. Лиманського, 1929.

45. Barth F. Introduction // Barth F. (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Long Grove: Waveland Press, Inc., 1969. P. 9–38.

46. Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. Harvard: Harvard University Press, 2006.

47. Hobsbaum E. *Nations and Nationalism Since 1780*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521439612>

48. Zalewski J. Опыт категоризации говора кубанских казаков: постановка проблемы // *Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne*. Warszawa, 2013. № 11 (2). С. 285–294.

30. Sivkov, S.M. (2013) [On the Question of Ukrainization in Kuban in the Period From 1917 till 1922]. *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Ukrainians of the South of Russia: Problems of History, Culture, Socioeconomic Development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 3–4 October 2013. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 246–250. (In Russian).

31. Skorik, A.P. & Bondarev, V.A. (2013) *Ukrainizatsiya na Yuge Rossii kak natsional'no-politicheskaya kampaniya: osushchestvlenie i likvidatsiya (1920-e – nachalo 1930-kh gg.)* [Ukrainization in the South of Russia as a National-Political Campaign: Implementation and Liquidation (1920s – Early 1930s)]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 10 (40). pp. 62–71.

32. Berelovich, A. & Danilov, V.P. (eds) (2000). *Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t.* [Soviet Village Through the Eyes of the CHEKA – OGPU – NKVD. 1918–1939. Documents and Materials. In 4 Volumes]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.

33. Sushchiy, S.Ya. (2013) *Ukraintsy Yuga Rossii: Demograficheskaya istoriya odnogo regional'nogo soobshchestva* [Ukrainians of the South of Russia: A Demographic History of One Regional Community]. Rostov-on-Don: SSC RAS.

34. Khlynina, T.P. & Vasil'ev, I.Yu. (2015) *Ukrainizatsiya na Kubani: zamysly, voploshchenie, itogi* [Ukrainization in Kuban: Plans, Implementation, Results]. In: Florya, B.N. (ed.) *Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura* [Belarus and Ukraine: History and Culture]. Vol. 5. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 373–384.

35. Khlynina, T.P. (2006) *Ukrainizatsiya Severo-Kavkazskogo kraja: zamysly i voploshchenie* [Ukrainization of North Caucasus Krai: Designs and Implementation]. In: *Kuban' – Ukraina. Voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya* [Kuban – Ukraine. Issues of Historical and Cultural Interaction]. Vol. 1. Krasnodar; Kyiv: EDVI. pp. 39–49.

36. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 8. List 1. File 410.

37. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 9. List 1. File 878.

38. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 12. List 1. File 56.

39. Center for Documentation of Contemporary History of Krasnodar Krai. Fund 2816. List 1. File 130.

40. Gatagova, L.S., Kosheleva L.P. & Rogovaya, L.A. (2005) *TsK RKP(b) — VKP(b) i natsional'nyy vopros* [Central Committee of the Russian/All-Union Communist Party of Bolsheviks and the National Question]. Book 1. Moscow: ROSSPEN.

41. Chumachenko, V.K. (2007) [On the History of the North Caucasus Ukrainian Research Institute in Krasnodar]. *Istoriya regional'nogo nauchnogo soobshchestva: problemy izucheniya* [History of the Regional Academic Community: Problems of Study]. Conference Proceedings. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts. pp. 87–89. (In Russian).

42. Biliy, D.D. (1994) *Raspberry Wedge (Essays on the History of the Ukrainian Population of Kuban)*. Kyiv: Ukraina. (In Ukrainian).

43. Maystrenko, V.S. & Kornev, O.V. (2021) *Anti-Ukrainian Terror After the Declared "Ukrainization": Why?* [Online] Available from: <http://www.pravoslavyya.sumy.ua/>

readarticle.php?article_id=54 (Accessed: 31.08.2021). (In Ukrainian).

44. Pelipeyko, I. (1929) *Ukrainian Language and Literature: Programs and Methodological Recommendations for Retraining Courses for the Soviet Apparatus*. Krasnodar: tipo-lit. "Sevkavpoligraftresta" im. A.A. Limanskogo. (In Ukrainian).

45. Barth, F. (1969) Introduction. In: Barth, F. (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Long Grove: Waveland Press, Inc. pp. 9–38.

46. Brubaker, R. (2006) *Ethnicity Without Groups*. Harvard: Harvard University Press.

47. Hobsbaum, E. (1992) *Nations and Nationalism Since 1780*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CCOL0521439612

48. Zalewski, (2013) J. Opyt kategorizatsii govora kubanskikh kazakov: postanovka problemy [Experience of Categorization of the Kuban Cossack Dialect: Problem Statement]. *Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne – Humanum. International Social and Humanist Studies*. 11 (2). pp. 285–294.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Баранов, А. В. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923—1932): замыслы, реакция сообщества, результаты / А. В. Баранов // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 31–42. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002

Full bibliographic reference to the article:

Baranov, A.V. (2021) Ukrainization in North Caucasus Krai of the RSFSR (1923–1932): Plans, Public Reaction, Results. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 31–42. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002